

Из Японии — с любовью

Есть такая академия — «Мусасино»

Светлана МАГИДСОН

— Уважаемый маэстро Дзин, японцы рассматривают поэзию как нечто музыкальное — это мелодия, льющаяся, словно песнь, не так ли?

— Да, в Японии поэта считают пророком и называют утабито (певец), а произведения в форме стиха — ута (песня), что значит — звучащее, ласкающее слух... Поэтому для меня поэзия и музыка — родственные искусства. Я стараюсь передать эту родственность своим ученикам. Нельзя изучать музыку в отрыве от поэзии...

— Это для меня большая радость, потому что всю жизнь я рассматриваю поэзию сквозь призму музыки. А музыку — в зеркале поэзии... Многие поэты исповедуют мысль о том, что вначале они слышат внутреннюю мелодию, внутреннюю музыку, затем уже выливающуюся в слово... Стихотворение чаще всего рождается в душе поэта в виде песни без слов... Вы, маэстро, тоже поэт. И — артист, певец, философ, мыслитель, ученый, педагог... Как это все совместить?

— Нужно прожить жизнь, не теряя ни дня. Работаю двадцать часов в сутки. Поэтому художественный кругозор мой достаточно широк. Я профессионально занимался фундаментальной математикой, философией, физикой, педагогикой, вокалом, музыкой Японии, Кореи, США...

— Людвиг ван Бетховен, кажется, входит в репертуар всех ваших учеников-солистов — лауреатов и начинающих?

— Да. Это — «долгоиграющий» фортепьянный цикл «Весь Бетховен». Он рассчитан на десятилетия. На этом цикле взрослеют мои ученики. Не только в пианистическом, но и в духовном смысле. А я как учитель с помощью этого цикла все больше ис-

Возв. Москва, 1999, 2 абт. с. 5

меня удивляют и восхищают музыкальность самой психологии японца, гармоничность его миропонимания. Это я наблюдала, общаясь с японским музыкальным деятелем Такуя Дзином, с которым познакомилась шесть лет назад. Двадцать лет назад он создал в Токио академию музыки «Мусасино», которая тесно связана с Московской филармонией, Институтом русского театра, они приезжают на гастроли друг к другу, обмениваются профессорами. Последний приезд «Мусасино» в Москву был особый: Институт русского театра «за выдающийся вклад в мировое музыкальное искусство» вручил профессору Такуя Дзину диплом Почетного доктора музыки. В рамках японского фестиваля Такуя Дзин собирается ставить в Москве оперу Верди «Травиата», в ней будут участвовать как русские, так и японские певцы. Виолетту будет петь блестящая певица, только что получившая в Москве диплом магистра музыки, Акико Сугимото, любимая ученица Такуя Дзина. Сегодня он наш собеседник.

пытаю ощущение полноты реализации своих педагогических замыслов.

— Кажется, с одной из программ этого цикла — «Последние фортепьянные сонаты Бетховена» — недавно приезжала в Москву ваша лучшая ученица известная пианистка, стажировавшаяся не только в Италии, Австрии, США, но и в России, Нахоко Асаи. Ее Бетховен нежен и созерцателен, глубокий и философичен. Ее игра — то легкая и изящная, то наполняющаяся не женской силой — была красива. Это вообще свойственно японцам?..

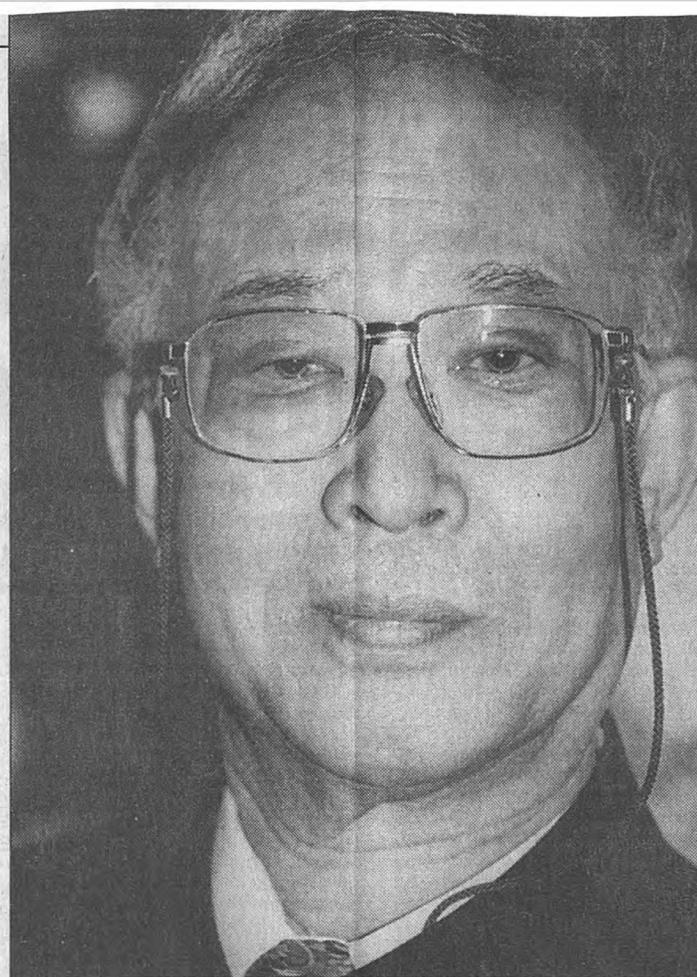
— Да, с трех лет японского ребенка вводят в мир красоты; его настраивают на образное, поэтическое восприятие всего окружающего: мира, дома, семьи, природы, искусства... Рано вдохновляясь всем этим, японцы и свою жизнь стремятся превратить в искусство. Ведь сложный окружающий мир, островное положение страны и почти отсутствие земли, трудолюбие формируют здесь не

просто отдельную личность, но и тип нации. Такова душевная фактура Асаи.

— А как она играет Чайковского!

— Да, и Чайковского. Когда я впервые приехал в Клин (это было несколько лет назад), то никак не мог послушаться его дивных пьес из цикла «Времена года». Раз за разом мне ставили пластинки этих пьес, исполняемых Игумновым, Софроницим... А я все сидел и слушал. Сколько прошло времени, не знаю — час, день... Потом мне разрешили открыть инструмент Чайковского, я сделал это и... разрыдался, убежал куда-то в сад. Конечно, мои ученики играют Чайковского. Он близок нашей душе. Вы слышали, как Нахоко Асаи играет Первый концерт Чайковского?.. Мы его привозили в Москву. Пресса положительно отметила ее игру. Но теперь Нахоко исполняет этот концерт и в Австрии, Италии, Германии... Так мы выражаем любовь к Чайковскому, России.

— Ваши ученики играют не только Чайковского...

Такуя Дзин: Я открыл инструмент Чайковского — и разрыдался

— Да, конечно, мы в Москву привозили «Картинки с выставки» Мусоргского, концерты Рахманинова, этюды Скрябина... Сейчас готовим романсы Чайковского и Рахманинова. Русская музыка полна душевности, а в сочетании с русской поэзией — Фетом, Алексеем Толстым, Полонским, Апухтиным, Голенищевым-Кутузовым — она завораживает. Как прекрасна, как звучна, как величественна русская речь! Я подумываю над тем, чтобы ввести в академии преподавание русского языка, на первых порах, может быть, факультативно.

— Маэстро, но ведь вы профессор математики...

— И профессор музыки. — А академия «Мусасино» это что — международный центр по обучению и совершенствованию пианистов и певцов?

— Да. Я разработал принципы обучения мастерству хорошего пения (belcanto). «Имущему дается, у неимущего отнимается» — всю справедливость этой библейской запове-

ди ныне я испытываю сполна. Вторую половину жизни я посвятил педагогике, чувствуя себя в этой высококультурной области уверенно. Жизнь идет навстречу моему артистическому самочувствию. А в способности моих учеников сомневаться не надо. Они выступают во многих странах мира, во многих театрах, в том числе и в Ла Скала... Там публика сама выбирает исполнителей, соответствующих ее эстетике, художественному вкусу... Для музыки благо разумие во все не обязательно! Не поэтому ли миланцы жаждут во всем (и, конечно, в искусстве) наслаждения. Они и музыке обучаются с наслаждением. Прекрасное там умеют понимать и оценивать все, даже дети.

Я — физик-атомщик. Возглавлял четверть века научно-исследовательский ядерный институт в США. Но вот однажды решил круто переменить жизнь и осуществить давнюю мечту — отдаться музыкальной педагогике.

— Примеры такого широкого круга интересов есть?

— Конечно. Бах, Швейцер, Ансер-

ме... В Венском оркестре почти все духовики — физики. А как играют!

— Но одно дело играть в оркестре, а другое — создать его. Не поэтому ли японская общественность оценила ваши педагогические и художественные заслуги, присвоив вам многие звания. Вас величают «отцом японских пианистов»...

— Да, я создал фортепианную школу, ставшую академией «Мусасино», из нее вышла целая плеяда японских музыкантов. И не только японских. В «Мусасино» приезжают совершенствоваться профессионалы из многих стран мира. Приезжают концертмейстеры, работавшие с великими певцами: Марией Каллас, Лучано Паваротти, Монтсеррат Кабалье... Приезжают и концертирующие пианисты, и оперные певцы... Консультируют их музыканты из Токио, Вены, Рима, Москвы... В «Мусасино» создается фортепианное отделение для одаренных малышей. Готовится особая программа.

— Все же, что такое «Мусасино»?

— Это своеобразный учебно-музыкальный колледж, куда могут прийти учиться одаренные подростки. Обучение здесь четырехлетнее, но широкого эстетического диапазона. Есть и класс фортепиано, и класс сольфеджио, класс композиции и истории музыки, класс контрапункта. Есть специалисты, занимающиеся развитием и совершенствованием музыкального слуха. Помогает им имеющаяся у нас новейшая звукозаписывающая аппаратура. Дефекты слуха определяются немедленно. И — исправляются. После окончания колледжа желающие и одаренные могут еще четыре года заниматься в нашем институте «Мусасино», а затем совершенствоваться в докторантуре.

— Такуя Дзин, вы сами отбираете учеников?

— Да. И занятия мои индивидуальные. Ими часто завершается долгий художественный труд ученика.

— Маэстро, я слышала, что вы посещаете с учениками театры, оперные спектакли, концерты, бываете в музеях, картинных галереях, путешествуете.

— А что тут удивительного? Изучение искусства, во всех его проявлениях и жанрах, будет формировать и духовный облик, и характер юного артиста, будет шлифовать и его вкус, и художественную индивидуальность.